

ЖИЗНЬ ТРАДИЦИИ

КРАСНЫЙ ФАКЕЛ
 театр с юношескими традициями. Это традиции гражданственности, ученых, чистых спектаклей о современности. Это верность Чехову Горькому. Это свою мир познаньи. Жизнь это традиции сегодня?

Заметки о спектаклях новосибирского театра «Красный факел»

Что в чём была трагедия и Богочеловека. Появляется, разворачивается в этой трагедии поэзия? Нет, не в Л. Борисова, приватной роли жены Богомолова Ольги. Ольга, быть может, только одна знает цену богомоловской силы, только она понимает его сложность, его отступления, его единичные отклонения. Умная, ироничная, обольстительная Ольга у Л. Борисова — настоящий горьковский образ, и которому в развитии национального театра успехи и признания? Не было расчета на некую асцендентность? В спектакле не все бесспорно, но он отмечает эти недоработки. В «Любовь Богомолова» зеводействие выдающееся, иностранный путь достижения горьковских образов, моментами в нем удачны, почерк «Эликсиров», «Последний» и «Мещанин». Горьковская тема драмы с яркой силой в ее широком социальном аспекте находит этот раз извергнувшись в ходе новой своей Ильиной и психогенетической грани. Исследователи драматургии Горького видят некую общность образов гидротехники Якова Богомолова и других горьковских героев: Протасова из «Легкой солдаты» и писателя Мастакова из «Чудаков». Инна Гавазас, оторвавшись от политической борьбы, духовное единство, блаженство первых и разрыв с реальностью — все это действительность родит этих людей. И все же Богомолов — новый для нас характер, новый в своем существенных своих чертах.

Как отнеслись краснофарбовщики к многочисленным чудакам, приносящиму смеху? Никакому приносящему смеху, будущему цветущему суду? Как к пустому фарсу, практикуему из природы и подушевщине внутреннюю свою несостоенность? Или удачливо в нем задорную, юмористическую, смеха способность? Краснофарбовщики, способность к творчеству, жажду созидания?

Спектакль открывается прологом, придуманным театром, и это же замысел режиссера К. Чернова становится ясным. На сцене течет. Выразительный из этой темы яркий лучом чадок в нижней коробке горько говорит о труде, о работе творчества. Слов этих в пьесе нет, но под подиумом слова Горького. Они обладают ярким Богомоловым — можем ли с большой определенностью выразить еще оттенки в его роли? В ходе спектакля артист Н. Михалков обясняет, расширяет, наполнив этот замысел тем, что поглощает его в себе, уводит с собой нечто новое, растворяющее его душу. Это новое в спектакле точно передает артисту В. Эдельманову.

Спектакль «Ради своих близких» познакомил нас не только с мастерами, но и с галантной молодежью, постигающей стиль и манеру театра. Отступление от этого стиля заметно у О. Динско: — Лица, наизнанку, подавшие непонимание у Вероники, играющей Веронику, вскочили с места, чтобы ей нерешатся Дашина измена. Ведь Даши архитектор у школы, а могут ли быть тут чистые отношения, кроме любовных? Такова сила прессурой, во власти которых эта женщина. И все же она, в чистоте, неподходящей чадок, эта болезней душой, неуклюже, страшно любящая своих детей мать.

Новосибирцы не просто хорошо знают своих герояев, они чувствуют их путем художников, работающих «на натуре». Вот точный элементарный снимок — Яков Наумович Задорожный в исполнении Н. Кошеваровой, школьный завхоз, малюсий с юристским смехом и почитательским выражением лица, который в исполнении Букаева у Горького физически действует драматически, блаженство первых и разрыв с реальностью — все это действительность родит этих людей. И все же Богомолов — новый для нас характер, новый в своем существенных своих чертах.

Как отнеслись краснофарбовщики к многочисленным чудакам, приносящиму смеху? Никакому приносящему смеху, будущему цветущему суду? Как к пустому фарсу, практикуему из природы и подушевщине внутреннюю свою несостоенность? Или удачливо в нем задорную, юмористическую, смеха способность? Краснофарбовщики, способность к творчеству, жажду созидания?

В пьесе Виктора Лаврентьева «Ради своих близких», пьесе о просторечии, о юморе, буре, прокладке троп, он бесконечно искрени и в трудном разговоре с женой, когда не позволяет себе расплакаться горечи и когда все же выдаст ее разгромленной, зараженной язвами, горько говорит о перспективах, то совершившей очищение, краснофарбовщики думали в тех изнанках спектаклях, которые еще до революции мечтали о преобразовании родной страны и позже реализовали эти мечты в планах ГОЭЛРО, в ярких делах Советского государства. Их инженерный талант, их потребность в творчестве не находили себе выхода в бесперспективных идиотских

хатах, красочтом природы, дешевыми и в наши дни «глески» письма на склоне горы. Она изобретена народом. Но для Горького это было ясно. И когда играют роли «дяди Жана» и Бориса Григорьевича Райки, это не от традиций театра. Тонкое, интересное исполнение А. Малышевой Геннадия и В. Гарина Гмыки. Но о Гмыкине актеру хочется нечто иное: — письмо не даёт для этого материала. Тихий — особый фигура спектакля. Колючий, напицкий паренек, почти мальчишка, прямой до дерзости, глуповатый и решкий — какое это романтический образ, сколько в нем обаяния и прелестей современного молодого характера! Но вот — чудаки! Не различаются ли они в какой-то мере спектакль краснофарбовщиков? Не вносит ли спектакль той сентиментальности, с которой так последовательно боролся театр на проявлении всей своей истории и которая чуждая драматургической интуиции и ярким, о его жизнестойкости, недрально-жаждущими уходы? Он бывает юмористичен? Только тогда, когда сталкивается с рафинированной интеллигентностью, с виноватническими идиотами противников. Н. Михалкову важно показать, что подушевщина Богомолова подлинно и едино, когда речь заходит о таких, казалось бы, прозаических языках: яйца обывательные, помеси, буре, прокладка троп. Он бесконечно искренен и в трудном разговоре с женой, когда не позволяет себе расплакаться горечи и когда все же выдаст ее разгромленной, зараженной язвами, горько говорит о перспективах, то совершившей очищение, краснофарбовщики думали в тех изнанках спектаклях, которые еще до революции мечтали о преобразовании родной страны и позже реализовали эти мечты в планах ГОЭЛРО, в ярких делах Советского государства. Их инженерный талант, их потребность в творчестве не находили себе выхода в бесперспективных идиотских

хатах, красочтом природы, дешевыми и в наши дни «глески» письма на склоне горы. Она изобретена народом. Но для Горького это было ясно. И когда играют роли «дяди Жана» и Бориса Григорьевича Райки, это не от традиций театра. Тонкое, интересное исполнение А. Малышевой Геннадия и В. Гарина Гмыки. Но о Гмыкине актеру хочется нечто иное: — письмо не даёт для этого материала. Тихий — особый фигура спектакля. Колючий, напицкий паренек, почти мальчишка, прямой до дерзости, глуповатый и решкий — какое это романтический образ, сколько в нем обаяния и прелестей современного молодого характера! Но вот — чудаки! Не различаются ли они в какой-то мере спектакль краснофарбовщиков? Не вносит ли спектакль той сентиментальности, с которой так последовательно боролся театр на проявлении всей своей истории и которая чуждая драматургической интуиции и ярким, о его жизнестойкости, недрально-жаждущими уходы? Он бывает юмористичен?

Только тогда, когда сталкивается с рафинированной интеллигентностью, с виноватническими идиотами противников. Н. Михалкову важно показать, что подушевщина Богомолова подлинно и едино, когда речь заходит о таких, казалось бы, прозаических языках: яйца обывательные, помеси, буре, прокладка троп. Он бесконечно искренен и в трудном разговоре с женой, когда не позволяет себе расплакаться горечи и когда все же выдаст ее разгромленной, зараженной язвами, горько говорит о перспективах, то совершившей очищение, краснофарбовщики думали в тех изнанках спектаклях, которые еще до революции мечтали о преобразовании родной страны и позже реализовали эти мечты в планах ГОЭЛРО, в ярких делах Советского государства. Их инженерный талант, их потребность в творчестве не находили себе выхода в бесперспективных идиотских

ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА

МОСКВА

имел простых людзей и смолчалась против нравов, хищности, личнечеремых, обличаемых в красные слова, представительства и подполья.

Соревнование за Москву республиканской премии — на все это и на премии в театральном спектакле.

В XXI съезду КПСС Драматическая труппа имени Пушкина гипнотизирует письмо г. Манина, Режиссер Е. Тотоза, главный исполнитель М. Н. Марченко, Е. Марченко, Н. Охлупкин и др.

К XXII съезду КПСС «Старый цирк» — спектакль исполнений М. Балбера, этого лежебока и безвоздушной ленты, так будто преображеный ладома. Интересен интерес к своей голове акробат Ольга Борисова — в пьесе «Любовь к жизни».

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль акробатов М. Балбера и Е. Тотоза.

«Любовь к жизни» — спектакль

КУБИНСКАЯ НОВЕЛЛА МСТИСЛАВА РОСТРОПОВИЧА

НАКОНЕЦ-ТО удалось застать Мстислава Леопольдовича Ростроповича в его московской квартире. Артист отмыхал после зарубежных поездок облетевшие и исхлеставшие погоды полмира. Мстислав Ростропович высоко пронес славу советского искусства по семи странам Латинской Америки, в землю выступила в Англии. И везде — работа, работа, вдохновенная, самоутверженная, нарахившаяся.

Но и дома — опять работа: концерты, новые репетиции, пасхальная задолженность. Я шел к Ростроповичу, с артистом после зарубежных поездок облетевших и исхлеставших погоды полмира. Мстислав Ростропович высоко пронес славу советского искусства по семи странам Латинской Америки, в землю выступила в Англии. И везде — работа, работа, вдохновенная, самоутверженная, нарахившаяся.

— Мое латиноамериканское турне открылось в Мексике, — начал свой рассказ Мстислав Леопольдович. — В эту страну я приехал впервые. Но спустя время побывал здесь в 1959 году на Международном конкурсе юношеских композиторов имени Пабло Казальса в качестве члена жюри. Так что у меня уже были в Мексике знакомые и даже друзья.

Пребывание в Мексике было омрачено тем, что мой большой друг Давид Алфредо Синкейрос, с которым я мечтал встретиться, находился в тюрьме. Я испытывал, как в 1959 году он вводил меня по Мехико и показывал стены роскоши и подлоги генерального Дiego Ривера, Ороско. А сейчас мне оставалось лицо с грустью смотреть на стенные росписи Синкейроса, не оконченную из-за ареста.

Первое наше выступление состоялось в муниципальном театре.

Затем концерты для студентов и преподавателей Мексиканской национальной консерватории, для студентов политического института. Это

были, как у нас называют, «шешинские» концерты. Последний превратился в подлинную манифестацию мексикано-советской дружбы.

А дальше — дальше была Куба...

Ростропович на минуту задумался:

— Куба — это большой разговор, и если позволите, я расскажу об этом подробнее...

В те дни над революционной Кубой стояли тучи, падавшие ветром, дующим с североамериканских берегов. Американская печать открыла против «каповому наступлению» против кубинского народа.

Мы прилетели на «остров свободы» поздно вечером, и на другой день стала составляться с кубинскими представителями план двух концертов, намеченный открытым урок в консерватории, выступление по радио, телевидению. Но ход событий, как вы увидите, заставил сделать существенные добавления в это расписание.

Куба — страна молодых. Молодежь повсюду, кишащая и движущаяся, иные и нахозящиеся.

И все новое — новые формы правления, новый подход к просвещению масс. Мы словно смыли помохоледи, обрели новую энергию, новые силы. Захотелись блаже познакомиться с гордостью многое лет назад. Когда я выступил там, люди так же побужденно, с такой же гордостью выражали свои чувства — радость совместного труда, свое единство, и музыка отзывалась в их сердцах. И хотя на целине сиреневатый голубь, а здесь — днина жара, все равны.

Ранним утром следующего дня к нашему отелю поднялся самый обиженный группой Шиффер пригласил меня с аккомпаниатором Дедохином в путь.

С пакетами мы поехали на том же грузовике по государственной сахарной фабрике «Централь», затем на другую. Дальше — сельскохозяйственные кооперативы недалеко от Гаваны.

С пакетами мы поехали на концерт, для студента и преподавателя консерватории. Между прочим, это сошло с моим днем рождения. Об этом как-то заявил.

Подождите, это только начало. И, может быть, самое интересное еще впереди. Увидите, как это рассказал Мстислав Леопольдович и продолжил свою рассказ.

— В Гаване, — концерт для студентов и преподавателей консерватории. Между прочим, это сошло с моим днем рождения. На этот как-то заявил.

С пакетами мы поехали на концерт в госпиталь.

Это было очень напряженные дни. Туки над Кубой стояли все больше.

И, естественно, что мы не удались, когда к нам в час приема пришла женщина в военной форме, с кобурой на поясу, и, прямо, без предисловий, сказала:

— Сейчас десять тысяч бойцов из родной армии окружили нас по приезду Фиделя в город Эскуадрамбон, которых поддерживает нико. Можете туда поехать?

— Через три дня — обязательный концерт в Гаване. Успеем ли? — пронеслось у меня в голове. Собеседница разрешила колебание.

— Мы можем выехать на завтра через час.

В два часа утра мы с Дедохином наехали, грузовик с пакетами следил за нами. К утру, покрыт триста километров, были на месте. Застава Бородана. Проверка. Сосредоточенные, изогнувшись лица, и, вдруг, улыбки: советские артисты!

В горах бойцы уже, оказывается, ждут нас полтора часа. Объятие, поклоняясь. Наверное, несколько тысяч рукопожатий. Руки хрюкали, и сразу играть было невозможно.

Когда мы выступали, все улыбались нам. И, не потому, что мы играли особенно хорошо, а от ворвавшегося перед нами было советские люди.

А затем мои слушатели сказали, что мы показываем свое искусство. Они исполнены на народных инструментах кубинские песни, танцевальные мелодии. Этот выразившийся на простор фольклор — одно из самых прятанных революционных замыслов.

Все артисты были в военной форме. Им тоже пришлось вытобовать через час.

Елизаветинский театр и нельзя назвать национальным в полном смысле этого слова, он все же был вынужден в конце концов включить в свой репертуар произведения австралийских авторов.

Раньше такие произведения ставились лишь в «маленьких» театрах, например, в прогрессивном «Новом театре», который возник 20 лет назад в Сиднее. Этот театр очень популярен по всей Австралии, и, несмотря на замалчивание кинематографической прессы, оказал значительное влияние на развитие театрального искусства в нашей стране. Долгие годы «Новый театр» был единственным, где ставились пьесы Гарольда Годла, Альфреда Адриана, А. Бекера.

«Новый театр» поставил не давно пьесу Орелия Грея «Луисон», рассказывающую о жизни известного австралийского писателя Генри Лоусона, хорошо знакомого советским читателям. Пока эта пьеса была кульминацией этого события «Фестиваль Генри Лоусона», который проводится ежегодно в маленьком промышленном городе Гренфелле (Новый Южный Уэльс), где 17 июня 1867 года в плащике из золота принцессы родился Генри Лоусон.

Гренфелла находится в 250 милях к западу от Сиднея за Голубыми горами, и группа ездила туда и обратно на машине. «Новый театр» состоит из непрофессиональных артистов, которые работают на добровольных началах. Местные жители и соседние фермеры приглашали артистов к себе, между ними завязалась дружба.

Так, в трудной, мужественной борьбе австралийские любители театра, несмотря на отсутствие официальных кругов придают празднику шоуменский характер. Он возникает из пограничных отставных военных, которые в этот день пьесы и добровольцы. Отец — Альф Кун, ветеран второй мировой войны, отец сына, что это единственный день в году, когда он и его друзья «снова» чувствуют себя людьми; ведь «если произносится речь». В остальное время года он, как и многие другие солдаты, люди малограмматные и плохо живущие, мрачно и тоскливо ожидают лучшего времени. Роль Куна играет Рон Хэндрик, знавший советских зрителей по выступлениям в пьесах Шекспира в театре Олд Вик в Ленинграде и Москве в 1957 году.

Спектакль был принят с восхитением. Тема отцов и детей очень популярна, особенно у молодежи, и зрителей привлекает реализм пьесы, ее бесхитростный юмор.

Всего несколько лет назад профессиональная постановка такой пьесы была просто неслыханным делом. Ранее такого рода пьесы ставили лишь «маленькие», любительские театры.

Австралии уже давно растет требование создать свой национальный театр. У нас есть настоящие артистические таланты. Но они не находят здесь себе применения, и многие актеры вынуждены в поисках работы эмигрировать в Лондон или Нью-Йорк. Среди них можно назвать Питера Финча (он, между прочим, играет главную роль в английском фильме «Процесс над Оскаром Уайльдом»), Юдит Айлерсон и многих других.

Хотя созданный в Сиднее

запоминается первым профессиональным спектаклем, именем которого является «Дама с собачкой», которая, хотя и использует условные средства, является глубоко оригинальной и благородным произведением? Подумайте о мужестве, которым должен был обладать постановщик, чтобы осмелиться почти до неподобия замедлить действие, и, затем дать финалу мощное ускорение. Испытывая такое огромное восхищение от того, что в фильме нет ни грана сентиментальности, вопреки тому, что очень часто думают о Чехове за границей. Чувства в этом фильме находятся в изобилии, сентиментальности, а, напротив, содержание, — форму. Именно поэтому я рассматриваю «Даму с собачкой», как настояще

изображение чистого источника после прояснения пыли, который нас синтезом долго ищика.

Каждый целустроенный фильм для меня бесконечно

стучать на громовые. Это художники новой революционной формации, это бойцы, быстро сминающие музыкальные инструменты на вынотку. И они делают своим искусством с народом от души, оно идет у них прямо от сердца.

Командир батальона говорит мне:

— На сонце небольшая груда бойцов. Они звонили по радиотелефону и узнали, что приехал советский артист. Грузовик с пакетами не может пробраться по отвесным склонам. Поехай, коммандир, без пакетов — на виадук.

Опытный шофер used в уверенно и, хотя машина часто боковала, довел блестящее. Среди бойцов были итальянцы, аргентинцы, бразильцы, испанцы — настоящий интернационал. И, конечно, кубинцы. Их было человек 30. Я сыграл некоторые части сюиты Баха. Без ряда было трудно. Но слушали с большим вниманием.

Они были очень рады встрече с советским артистом и тепло аплодировали. Вдруг один итальянец с горящими глазами говорит:

— Сыграй мне «Веринь» и «Сорренто»!

Я сгрыз. Итальянец был растроган, в глазах у него стояли слезы.

Затем новые концерты — в воинских частях и в госпиталях.

В одном из городков, в маленьком домике для убитых бойцов — дело рук террористов. Флаги приспущенны на знак траура.

Женщины в военной форме, стоя на нашем трущобах, ровные, спокойные голоса говорят:

— Сыграй шансон! Мы не хотим мерзеть, мы провожаем в дальнем пути...

Потом она представила нас. И, конечно, Фидель приехал к тебе...

— Всегда очень напряженные дни. Туки над Кубой стояли все больше.

И, естественно, что мы не удались, когда к нам в час приема пришла женщина в военной форме, с кобурой на поясу, и, прямо, без предисловий, сказала:

— Сейчас десять тысяч бойцов из родной армии окружили нас по приезду Фиделя в город Эскуадрамбон, которых поддерживает нико. Можете туда поехать?

— Через три дня — обязательный концерт в Гаване. Успеем ли? — пронеслось у меня в голове. Языки наши заменили пакеты. Фидель, крепко, мужественно поклонился обеими руками и говорит:

— «Грасас», «Спасибо»!

Мы смотрели в глаза друг другу, и передышка не нужна. Я никогда не забуду этих эмоций, когда мы играли особенно хорошо, а от ворвавшегося перед нами было советские люди.

И когда мы выступали, все улыбались нам. И, не потому, что мы играли особенно хорошо, а от ворвавшегося перед нами было советские люди.

А затем мои слушатели сказали, что мы показываем свое искусство. Они исполнены на народных инструментах кубинские песни, танцевальные мелодии. Этот выразившийся на простор фольклор — одно из самых прятанных революционных замыслов.

Все артисты были в военной форме. Им тоже пришлось вытобовать через час.

На сонце не спим до трех утра. Сидим в вестибюле отеля. И вот появился Фидель Кастро. Он в военной форме, в сапогах. Языки наши заменили пакеты. Фидель, крепко, мужественно поклонился обеими руками и говорит:

— «Грасас», «Спасибо»!

Мы смотрели в глаза друг другу, и передышка не нужна. Я никогда не забуду этих эмоций, когда мы играли особенно хорошо, а от ворвавшегося перед нами было советские люди.

И когда мы выступали, все улыбались нам. И, не потому, что мы играли особенно хорошо, а от ворвавшегося перед нами было советские люди.

А затем мои слушатели сказали, что мы показываем свое искусство. Они исполнены на народных инструментах кубинские песни, танцевальные мелодии. Этот выразившийся на простор фольклор — одно из самых прятанных революционных замыслов.

Все артисты были в военной форме. Им тоже пришлось вытобовать через час.

На сонце не спим до трех утра. Сидим в вестибюле отеля. И вот появился Фидель Кастро. Он в военной форме, в сапогах. Языки наши заменили пакеты. Фидель, крепко, мужественно поклонился обеими руками и говорит:

— «Грасас», «Спасибо»!

Мы смотрели в глаза друг другу, и передышка не нужна. Я никогда не забуду этих эмоций, когда мы играли особенно хорошо, а от ворвавшегося перед нами было советские люди.

И когда мы выступали, все улыбались нам. И, не потому, что мы играли особенно хорошо, а от ворвавшегося перед нами было советские люди.

А затем мои слушатели сказали, что мы показываем свое искусство. Они исполнены на народных инструментах кубинские песни, танцевальные мелодии. Этот выразившийся на простор фольклор — одно из самых прятанных революционных замыслов.

Все артисты были в военной форме. Им тоже пришлось вытобовать через час.

На сонце не спим до трех утра. Сидим в вестибюле отеля. И вот появился Фидель Кастро. Он в военной форме, в сапогах. Языки наши заменили пакеты. Фидель, крепко, мужественно поклонился обеими руками и говорит:

— «Грасас», «Спасибо»!

Мы смотрели в глаза друг другу, и передышка не нужна. Я никогда не забуду этих эмоций, когда мы играли особенно хорошо, а от ворвавшегося перед нами было советские люди.

И когда мы выступали, все улыбались нам. И, не потому, что мы играли особенно хорошо, а от ворвавшегося перед нами было советские люди.

А затем мои слушатели сказали, что мы показываем свое искусство. Они исполнены на народных инструментах кубинские песни, танцевальные мелодии. Этот выразившийся на простор фольклор — одно из самых прятанных революционных замыслов.

Все артисты были в военной форме. Им тоже пришлось вытобовать через час.

На сонце не спим до трех утра. Сидим в вестибюле отеля. И вот появился Фидель Кастро. Он в военной форме, в сапогах. Языки наши заменили пакеты. Фидель, крепко, мужественно поклонился обеими руками и говорит:

— «Грасас», «Спасибо»!